

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Доминик
Смит

ПОСЛЕДНЯЯ
КАРТИНА
САРЫ ДЕ ВОС

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(8Авс)-44
С 50

Dominic Smith
THE LAST PAINTING OF SARA DE VOS
Copyright © 2016 by Dominic Smith
All rights reserved
Published by arrangement with Sarah Crichton Books,
imprint of Farrar, Straus and Giroux, New York.

Перевод с английского
Екатерины Доброхотовой-Майковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-15106-2

© Е. М. Доброхотова-Майкова,
перевод, примечания, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Тамаре Смит,
члену парламента — любимой сестре,
верному другу, первопроходцу*

От автора

В семнадцатом веке в Нидерландах Гильдия святого Луки регламентировала все аспекты профессиональной жизни художника, в том числе выдавала разрешение подписывать и датировать собственные работы. В гильдии состояли такие художники, как Рембрандт, Вермеер, Франс Хальс и Ян ван Гойен. Из сохранившихся документов можно заключить, что на протяжении семнадцатого века членами гильдии были по меньшей мере двадцать пять женщин. Однако лишь ничтожная часть их работ сохранилась и правильно атрибутирована. Больше ста лет картины Юдит Лейстер приписывали Франсу Хальсу.

Один из пробелов в исторической летописи относится к Саре ван Баалберген, первой женщине, принятой в харлемскую Гильдию святого Луки. Она вступила туда в 1631-м, за два года до Юдит Лейстер. Ни одна работа ван Баалберген не дошла до наших дней.

Хотя история эта вымышленная, подобные лакуны служили трамплинами для воображения. Для целей повествования в ней соединены детали из биографий нескольких женщин голландского Золотого века.

На опушке леса (1636)

Холст, масло

30 × 24 дюйма

Сара де Вос

Голландия, 1607–16??

Зимняя сцена в сумерках. На переднем плане стоит рядом с серебристой березой девочка, приложив к коре бледную руку, и смотрит на конькобежцев на замерзшей реке. Их около полудюжины, все тепло закутаны, крапинки бурой и желтой одежды скользят надо льдом. Мальчик катится по широкой дуге, рядом с ним собака тигрового окраса. Вскинув одну руку в варежке, он машет девочке и нам. Выше по реке — сонная деревенька, из труб поднимается дым, светящиеся окна кажутся еще ярче из-за свинцового неба. Единственный водопад света на горизонте, луг под просветом в облаках, затем, словно озарение, — босые ноги девочки на снегу. Ворон — фиолетовый и чуть мерцающий — каркает на ветке рядом с ней. В одной руке она держит растрепанную черную ленту, зажатую между тонкими пальчиками; подол ее платья, выступающий из-под длинной серой шали, изорван. Лицо видно почти в профиль, темные спутанные волосы рассыпались по плечам. Взгляд устремлен вдаль, но что удерживает девочку на месте — страх или странный ореол зимних сумерек? Она то ли не хочет, то ли не может дойти до замерзшей реки. Ее следы идут по снегу из леса, из-за края рамы. Она как будто вошла извне картины, выступила на полотно из нашего мира, не из своего.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Верхний Ист-Сайд

Ноябрь 1957 г.

Картину украли в ту неделю, когда русские запустили собаку в космос. Сняли со стены над супружеской кроватью во время благотворительного обеда в пользу сирот. Так Марти де Гроот будет излагать эту историю все следующие годы, рассказывать партнерам по юридической фирме, вставлять как комическую интермедию за обедами и за выпивкой в сквош-клубе. Мы окунали креветок в коктейльный соус, вынеся лучший фарфор Рейчел на террасу, потому что для ноября погода была необычно теплая, а тем временем грабители, переодетые официантами, заменили подлинник безупречно сделанной копией. Он будет особенно гордиться последней частью фразы: «безупречно сделанной копией». Эти слова он будет употреблять в разговорах с друзьями, страховыми агентами и частным детективом, поскольку они создают динамичную завязку истории — подразумевают, что некий преступный гений долго готовился украсть его картину, в точности как русские все эти годы тайно готовились колонизировать стратосферу. Кроме того, эти слова помогают замаскировать тот факт, что Марти несколько месяцев не замечал подмены.

О чем он будет умалчивать, рассказывая эту историю, так это что «На опушке леса» принадлежала его семье больше трех веков и перешла к нему от отца. Не станет он упоминать и того, что это единственная сохранившаяся картина Сары де Вос, первой женщины, принятой в голландскую Гильдию святого Луки. Да и кому он мог бы рассказать, что любил смотреть на бледное загадочное личико девочки на картине, медленно, медитативно занимаясь любовью с женой в годы ее депрессии после второго выкидыша? Нет, это Марти будет держать при себе, как личную веру в капризного бога. Он агностик, но подвержен приступам дикого суеверия — черта, которую старается скрыть. Он убедит себя, что пропажа картины исцелила Рейчел от депрессии и помогла ему наконец-то стать партнером в фирме. И что над картиной тяготело проклятие, объясняющее триста лет подагры, ревматизма, инфарктов, инсультов и бесплодия в его роду. Где бы она ни висела — в Лондоне, Амстердаме или Нью-Йорке, — предыдущие владельцы не доживали до шестидесяти лет.

Рейчел заказала «битников напрокат», чтобы встряхнуться. Она с тоской представляла, как патентные поверенные с запонками в манжетах, слегка захмелев, беседуют о недвижимости и нантакетском яхт-клубе, и вдруг вспомнила рекламную заметку, которую вырезала из журнала для выпускников и положила в свою коробку с рецептами. *«Добавьте огонька вашему торжественному банкету... возьмите напрокат битника. В комплект входят: борода, черные очки,*

старая армейская куртка, джинсы „Левис“, потертая рубашка, кеды или сандалии (опционально). Скидки за отсутствие бороды, немость либо отсутствие обуви. Доступны также битницы».

Если каждый год собирать деньги для городских сирот — сама эта фраза отдавала диккенсовской сентиментальностью, — то почему бы не впустить к себе сам город, не добавить красок Нижнего Ист-Энда и Гринвич-Виллидж? На звонок Рейчел ответила насморочная женщина, явно читавшая по бумажке. За двести пятьдесят долларов, монотонно пробубнила она, в назначенное время к вам придут два художника, два поэта и два интеллектуала. Рейчел представила подвал в Квинсе, где разведенки в наушниках сидят под лампами дневного света, словно африканские фиалки. Представила, как безработные актеры едут из Хобокена с ее адресом, записанным на спичечном коробке. Женщина спросила: «Сколько битников вы хотите, мээм?» и «Предпочитаете девушек в мексиканских шляхах или в болеро?» К концу разговора Рейчел выбрала весь гардероб вплоть до балеток, беретов, солнечных очков и серебряных сережек. Это было три недели назад, и сейчас — в день приема — Рейчел гадает, не совершила ли ошибку. Русская собака летает над планетой, и невинный хозяйкин розыгрыш могут счесть легкомысленным и непатриотичным. Она размышляет об этом все утро, не решаясь сказать Марти, что ровно в девять, после коктейлей, к ним явятся божественные личности.

Марти тоже запланировал маленькую шутку для гостей и коллег. Он держит свою затею при себе, покуда Рейчел суетится среди официантов. К пяти все три этажа довоенного пентхауса благоухают лилиями и свежим хлебом, и от этого все чувства Марти странно обострены. Он стоит у стеклянных дверей на террасу верхнего этажа и смотрит, как комнату золотит вечерний свет. Есть что-то ностальгически уютное в наступлении сумерек. В это время дня и года все кажется невозможно реальным и основательным, каждая вещь исполнена значения. В детстве комната всегда казалась ему музейной, неживой. Мрачные деревянные интерьеры — фон голландских портретов семнадцатого века — действовали угнетающе, лаковые восточные шкапулки казались суровыми и высокомерными, но теперь, когда все это — его собственность, ему приятно смотреть на эти вещи в час до того, как зажгут первую лампу. Закрывая глаза, Марти чувствует запах олифы от морских пейзажей; турецкие коврики для намаза почему-то пахнут прогретым сеном. Он наливает себе на два пальца односолодового виски и усаживается в кожаное голландское кресло, которое Рейчел называет «гамлетовским». Десятилетний бигль Керреуэй вбегает из коридора, скользит по паркету, позвякивая жетоном. Марти опускает руку, и пес лижет ему пальцы. Тут-то он и видит через двери кухни-столовой Рейчел среди официантов в накрахмаленных белых фартуках. Склонив голову, теребя нитку жемчуга, она отдает распоряжения так серьезно, будто речь о национальной

безопасности, а не о плове и семге. Она всегда бывает на пике формы при подготовке — к путешествию, к обеду, к приему. Дальше наступают тихая усталость, которую они оба старательно не замечают. Она все время напряжена, как будто вот-вот судорожно вздохнет, и, прежде чем войти в комнату, внутренне собирается, словно актер перед выходом на сцену. Если Марти поздно возвращается с работы, он иногда застаёт ее спящей в гостиной при включенном свете; рядом, свернувшись, дремлет Керреуэй. А иногда Марти находит в доме пустые винные бокалы, в библиотеке или рядом с кроватью, и русский роман, засунутый между подушками или брошенный на террасе выцветать и трепаться на ветру.

Рейчел ловит его взгляд и подходит. Он чешет Керреуэя за ухом, улыбается ей. Последние пять лет стали рубежом очередного двадцатилетия. Весной ему исполнилось сорок — веха на пути его заглохшей карьеры, а также их с Рейчел неспособности иметь детей. Все надо было начинать раньше — учебу, профессиональную деятельность, семью. Из-за унаследованного богатства Марти ни с чем не спешил, пока ему не перевалило за тридцать. Он в фирме седьмой год — вполне могли бы уже сделать его партнером. Он чувствует на себе взгляд приближающейся Рейчел — *зачем мы так долго откладывали?* Она на восемь лет младше его, но менее жизнестойкая. Не столько хрупкая, сколько опасливая и ранимая. Долю секунды ему кажется, что она собирается одарить его благостным супружеским поцелуем — это один из отрепетирован-

ных жестов, который Рейчел иногда извлекает из складок своей депрессии. Но нет, она говорит, чтобы он не набрал на парадные брюки собачьих волос. Марти успевает почувствовать запах бургундского у нее изо рта и внезапно ловит себя на мысли: интересно, что думают о ней официанты? Устыдившись, он провожает Рейчел взглядом, пока та не исчезает в двери спальни дальше по коридору. Довольно долго он сидит в сгущающихся сумерках, потом встает и идет по комнате, щелкая выключателями.

За несколько минут до семи Харт Гановер, консьерж, звонит и сообщает де Гроотам, что посадил в лифт первых гостей, Клэя и Селию Томас. Марти благодарит его и вовремя вспоминает осведомиться о матери Харта, тихо умирающей от рака в Квинсе. «Держится, мистер де Гроот, спасибо, что спросили». Харт был консьержем в этом доме на углу Восточной восемнадцатой улицы и Пятой авеню, еще когда отец Марти в двадцатых годах купил здесь пентхаус. В узком четырнадцатизэтажном доме всего шесть квартир, и все жильцы обращаются с Хартом как с добрым обедневшим дядюшкой. Марти говорит, что пришлет с официантом поднос еды, и вешает трубку. Они с Рейчел спускаются на нижний этаж и ждут перед лифтом. Старший партнер и его жена всегда первыми приходят и первыми уходят. Им обоим за шестьдесят; они дают летние приемы, которые заканчиваются закатом.

Открывается лифт, Томасы выходят на черный мраморный пол вестибюля. Рейчел всегда

сама принимает у гостей плащи и шляпы, и что-то в этой ритуальной претензии на домашнюю простоту действует Марти на нервы. Экономка Гестер сейчас, наверное, у себя в комнате, смотрит телевизор, потому что Рейчел демонстративно дала ей на сегодняшний вечер выходной. Марти стоит и смотрит, как жена принимает у его начальника теплое не по сезону верблюжье пальто и кашемировую шаль у Селии. Клэй, входя к ним, всякий раз выглядит слегка недовольным. Он словно высечен из голубого сланца новоанглийской аристократии — потомок церковников, интеллектуалов, политиков, воспринимающий свои привилегии как нечто положенное от рождения. Наследственное богатство Марти ему претит; входя, он всякий раз двигает желваками, как будто ощущает привкус железа во рту. Марти подозревает, что именно из-за этого до сих пор не стал партнером; его трехэтажная квартира с видом на Метрополитен-оперу и Центральный парк оскорбляет патрицианские вкусы его начальника.

Клэй убирает руки в карманы брюк и слегка наклоняется вперед всем телом, на лице — избыток наигранной веселости. У него вид человека, который рубил дрова и взбодрился от морозного воздуха.

Клэй говорит:

— Марти, вы что, добавили к своей квартире еще этаж? Клянусь, с прошлого раза она стала выше!

Марти вежливо хмыкает, но не отвечает. Они с Клэем обмениваются рукопожатиями, чего ни-

когда не делают в офисе, затем Марти целует Селию в щечку. За спиной у гостей Рейчел, полускрытая в тени платяного шкафа, гладит рукой шелковистую шаль Селии. Она могла бы уйти в шкаф и не вернуться, думает Марти.

— Клэй заставил нас обоих идти пешком через весь парк, — жалуется Селия.

— Давайте поднимемся, и мы предложим вам выпить, — говорит Рейчел, ведя их к лестнице.

Клэй снимает очки в тяжелой оправе и протирает их носовым платком. Под лампой в коридоре Марти замечает багровый след у него на переносице и думает о деревенском пасторе, готовящемся начать пламенную проповедь.

Клэй говорит:

— Я счел, что, раз мы собираем деньги на сирот, надо идти пешком. К тому же сегодня чудесный вечер. Не беспокойся, дорогая, обратно поедем на такси. Предупреждаю вас, Марти, я нагулял себе такой аппетит, что готов есть, как викинг.

— Вам повезло: Рейчел наняла всех рестораторов штата, — отвечает Марти.

Они поднимаются на четырнадцатый этаж и идут по коридору к террасе, мимо закрытых дверей спален. Марти унаследовал отцовскую черту: желание строго отделять личное пространство от общественного. Он даже любимые книги держит в спальне, а не в библиотеке, поскольку считает их формой исповедального признания. Когда они с гостями проходят мимо кухни в парадную комнату, снаружи начинает играть струнный оркестр. Освещенные небоскребы за

парапетом террасы, по другую сторону парка, кажутся океанскими лайнерами, рассекающими темноту над кронами деревьев. С губ Селии слетает легчайший вздох зависти. Марти вспоминает строгий каменный особняк Томасов с его узкими окнами, пахнущий, как жилище настоятеля. Клэй многозначительно покашливает, разглядывая уставленные закусками банкетные столы на террасе, пирамиды из креветок и поблескивающего льда.

Селия сглатывает и произносит:

— Рейчел, как всегда, все выглядит потрясающе.

— Я всего лишь сделала несколько телефонных звонков.

— Я бы так не сказал, — вставляет Марти. — Это было что-то вроде подготовки к высадке в Нормандию и заняло несколько недель. Так или иначе, мы рассчитывали воспользоваться погодой. Так что выбирайте, угощаться в зале или на террасе.

— Направьте меня к джину с соком и блюдецку соленого арахиса, — говорит Клэй, бреча в кармане мелочью.

Марти воображает, как тот стоит перед аскетическим письменным столом или перед секретаршей и сгребает в карман вечерних брюк десятицентовики и четвертаки. Наверняка в каком-нибудь из карманов у него лежит перочинный ножик.

— Извините, Клэй, придется вам обойтись креветками и бри, — говорит Марти, жестом приглашая их на террасу.

Звенит дверной звонок, и Рейчел убегает по коридору раньше, чем Марти успевает ее остановить.

На обед Благотворительного общества (двести долларов тарелка) каждый год собирается человек шестьдесят — адвокаты, хирурги, руководители фирм, жены богатых людей, отставной дипломат. Женщины в вечерних платьях, мужчины в смокингах, места за десятью круглыми столами отмечены карточками с каллиграфически написанными именами. Раз в год Рейчел по телефону диктует список гостей японскому художнику в Челси, через три дня по почте приходят карточки в конверте из рисовой бумаги. Марти рассаживает гостей по методу, который узнал от европейского друга — аукциониста в «Сотбис». Он размещает самых богатых ближе к столу «молчаливого аукциона» и поручает официантам подливать им вино каждые пятнадцать минут. Благодаря этой стратегии его обеды в пользу сирот последние десять лет дают рекордные сборы. Лоты включают значительно переоцененные круизы по Карибскому морю, билеты в оперу, перьевые ручки и подписку на журнал «Яхтенный спорт». Марти как-то подсчитал, что Ланс Корбин, ортопед, у которого и яхты-то нет, платит сто двадцать долларов в месяц за каждый выпуск журнала.

Обеденные столы с букетами лилий и серебряными столовыми приборами накрыты в зале рядом с террасой. По случаю теплой погоды коктейли, шампанское и десерт подадут на террасе,

но Марти настоял, чтобы обед проходил в помещении — здесь светлее, а значит, удобнее выписывать чеки. К тому же голландские и фламандские жанровые картины и пейзажи напоминают если не о сиротах, то хотя бы о бедности: крестьянин под дождем заносит окорок в каменный погребок, пьяницы в таверне кидаются ложками в котла, на маленьком полотне Аверкампа краснощекие селяне катаются на коньках по замерзшему каналу.

Когда Рейчел зовет всех к столу, струнный квартет переходит от сонат Россини к концертам и адажио Баха. Как всегда, Марти и Рейчел сидят за разными столами, чтобы общаться с максимальным числом гостей, но несколько раз во время трапезы Марти замечает, что его жена отрешенно уставилась в свой бокал. Клэй Томас рассказывает свою ежегодную историю, как во время Первой мировой был санитаром, как они с итальянцами играли в футбол на раскисшем весеннем поле. Марти старается всякий раз обновлять состав гостей за столом, но сам всегда садится с Клэем Томасом. Пока его не сделают партнером, он каждый год будет притворяться, будто слышит эти байки впервые.

После обеда и аукциона гости перемещаются на террасу. Длинный стол заставлен бокалами с шампанским, горками с профитролями, формочками с крем-брюле, бельгийским шоколадом. Как и в прошлые годы, Рейчел все важное общение оставляет Марти. Она не умеет включаться в разговоры партнеров Марти или их жен,

которые все отправляют детей в одни школы и колледжи, так что предпочитает одиночек. Сестра светской львицы и провинциальная кузина видного филантропа — с такими людьми ей спокойнее всего. Они не спросят: «А вы никогда не думали завести детей?» Марти упрекает ее, что она прячется в собственном доме, ведет неловкие разговоры с совершеннейшими чужаками. Он говорит, что жены партнеров считают ее заносчивой, а не робкой и ранимой. Из угла террасы, слушая обрывки разговора о бродячей собаке, подобранной русскими учеными на московской улице, Рейчел видит циферблат богато украшенных часов на стене гостиной и понимает, что арендованные битники придут меньше чем через полчаса. Она оглядывает гостей, пытается угадать, как те примут артистов. Ей до сих пор непонятно, что она пытается сделать: оживить мероприятие или пустить его под откос. Еще не поздно встретить битников у лифта, заплатить условленную сумму и отправить их во свояси.

Похолодало, многие гости сходили за своими плащами или пальто. Раньше, во время коктейля, Марти развел огонь в камине; Клэй и другие партнеры, стоя с бокалами в руках, давали ему советы. В какой-то момент Клэй натянул пару асбестовых перчаток и чугунной кочергой подвинул полешки в центре, объясняя младшим, что нужно больше синего пламени и тяга в основании. Теперь мужчины толпятся у камина, юристы с сигарами, громоздя метафоры, говорят о философии, упадке городов, выставлении сче-

тов клиентам. За стеклянными дверями официанты на тележках свозят обеденные тарелки к помывочной станции, которую соорудили в бывшем коридоре для слуг сбоку от задних дверей спален. Марти зовет этот коридор «горшечным закоулком» и уверяет, что помнит, как его выжившая из ума бабка-голландка, крепко належавшая на джин, выставляла туда «ночную вазу», чтобы слуги забрали. Однако никаких слуг не было, только перегруженная работой экономка, которая не ходила этим коридором много лет и не нашла ночных горшков до тех пор, пока вонь не просочилась сквозь стену. Сейчас там больше десятка официантов. Возможно, надо пойти убедиться, что они не пьют из бутылок и ничего не разбили. Но тут Рейчел замечает, что Марти разговаривает с Гестер. После того, как расставили цветы, она сказала Гестер идти отдыхать, потому что та не молодеет. Непонятно, зачем Марти вытащил бедную женщину из ее комнаты.

Гестер идет с террасы в сторону библиотеки, затем возвращается, катя накрытую простыней металлическую тележку, за которой тянутся спутанные провода. К этому времени Марти держит Керреуэя на руках и, судя по лицу, намерен что-то сказать гостям. Несколько бокалов вина, и он превращается в своего отца — готов вещать бесконечно. В тяжелом варианте его речи фальшивы и сентиментальны. На памяти Рейчел слезы выступали у Марти на глазах по куда менее печальным поводам, чем сиротство, и сейчас она опасается худшего. Гости уже собрались вокруг

Марти. Из угла террасы звучит адажио Баха, потом резко обрывается.

Марти мгновение смотрит на освещенные дрожащим пламенем лица, оттопыривает нижнюю губу.

— Я хотел бы сказать несколько слов... Спасибо всем, что пришли и поддержали такое доброе дело. Как всегда, мы сегодня собрали вполне приличную сумму.

Держа Керреуэя на согнутой руке, Марти хлопывает его по заду. В свободной руке — сигара.

— Как всем вам известно, на этой неделе в космос запустили первое живое существо, и это путешествие в один конец...

Рейчел берет бокал шампанского с подноса у проходящего официанта и думает: как Марти вывернет от космоса к сиротам? И вывернет ли?

— Мне сказали, что последний паек, который собака съест через несколько дней, отравлен или что будет выпущен усыпляющий газ. Очевидно, так русские поступают со своими собаками-космонавтами...

Голос у него дрожит и обрывается. Некоторые гости отпивают вино, смотрят в камин. Рейчел не знает, отчего они отводят глаза — от неловкости за Марти или от наплыва патриотических чувств.

— И мне невольно думается, не можем ли мы включить нашего маленького бигля Керреуэя в этот исторический момент?

К этому времени Гестер уже принесла из кухни стул, и Марти ласково сажает на него собаку. Затем снимает с тележки простыню — там его

любительский радиоприемник из библиотеки с наушниками и хромированным микрофоном.

— «Спутник-два» передает тот же сигнал, что и «Спутник-один», так что, если я найду нужную частоту, мы услышим пролетающую над нами русскую дворнягу. Если верить моим чикагским друзьям-радиолюбителям, сигнал можно будет поймать через несколько секунд...

Марти смотрит на часы и придвигает стул с Керреуэем ближе к микрофону.

— Я дам Керреуэю послушать его соперницу, потому что, честно сказать, ему не помешало бы встряхнуться. Скажу честно — в декабре его еле-еле вытащишь на прогулку в парк.

Слушатели вежливо посмеиваются.

Рейчел смотрит на гостей. Женщины улыбаются, глядя, как Керреуэй обнюхивает микрофон. Мужчины не в таком восторге; они шепотом обмениваются замечаниями. Марти включает приемник, крутит большую ручку посередине. Слышится треск, затем — обрывок новостной передачи из Канады, полька, затем наконец сигнал: булькающее пиканье. Слушать его почти мучительно — лунное бряканье, в котором заключена тихая советская угроза.

— Слышите? — спрашивает Марти. — Это они.

Гости уже подошли ближе. Мужчины смотрят зачарованно, позабыв про сигары у себя в руке. Целую минуту они слушают сигнал. Марти подключает наушники и, прикрутив громкость, надевает их Керреуэю на голову. Бигль недовольно тьявкает. Марти говорит, что микрофон

выключен: лицензия не позволяет передавать собачий лай со своими позывными, за такое исключили бы из радиолюбительского братства. Однако скоро гости начинают подзадоривать Керреуэя, чтобы тот сказал русской псине пару ласковых. «Скажи, что мы их догоним и перегоним!» — выкрикивает кто-то из партнеров. Марти делает вид, будто включает микрофон, и песик из-за шума и суеты вокруг начинает гавкать и скулить. Наконец Марти угощает его очищенной криветкой с ближайшего стола и отпускает. Все хлопают и восхищаются маленьким патриотом. Марти предлагает тост за освоение космоса и встающую звезду Америки. Обернувшись, Рейчел над ободом своего бокала видит, как на террасу через стеклянные двери входят арендованные битники, за ними семенит возмущенная Гестер. Рейчел воображает растерянность Харта Гановера в нижнем вестибюле, звонок по интеркому, перехваченный Гестер, и вот к ним приближаются битники — ответ Америки на космические устремления России. Свобода — патлатая, босая, без лифчика. Их шестеро — трое мужчин и три девушки. Один из мужчин — поэт-марксист или философ-вегетарианец — явно до глубины души оскорблен тем, что видит на террасе.

Битники держатся ненавязчиво, в самую толпу не лезут — говорят о выставках в заброшенных электростанциях, о лофтах без горячей воды на Томпсон-стрит. Поначалу они вполне милы, и даже Марти вынужден признать, что затея

удачная. Девушка в сандалиях потягивает красное вино и танцует перед камином восточный танец. Кто-то из них учит жену юриста танцевать фанданго; квартет импровизирует. Бородатые мужчины в вельветовых куртках завязали беседу с жителями Манхэттена и с живым антропологическим интересом слушают про ритуалы загадочных богатеев. Они льстят и поддакивают, смеются нервным шуткам дантиста. Девушка с сережками в виде драконов обменивается визитными карточками с инвестиционным банкиром, только на ее карточке стоит одно-единственное слово: «Увы!» Целых пятнадцать минут все в восторге от этого изящного салонного фокуса, и Марти подходит к Рейчел сказать, что она замечательно оживила вечер. Но тут он замечает, что один из битников — в красном берете и армейской куртке — захватил в гостиную группу заложников. С террасы видно, что он стоит на старинном стуле, держа фамильную вазу для фруктов перед слегка напуганными слушателями. Марти начинает двигаться в его сторону, но тут на пути у него возникает «Увы» с тарелкой креветок. Почему официанты до сих пор не убрали закуски? Что, если эти бродяги обожрут до отравления у него на террасе?

— На самом деле меня зовут Хани, — говорит девушка, — и я намерена съесть столько креветок, сколько вешу сама. Вы, наверное, хозяин? Рада знакомству, хозяин.

Она пьяная и босая, в развевающейся юбке, сшитой, судя по виду, из амишских лоскутных

одеял. Марти отвечает ей анемичной улыбкой и силится рассмотреть, что происходит в гостиной.

— Чего ради ваш друг взобрался на стул? — спрашивает Марти.

— Бенджи? А он под кайфом. На бензедрине. Расхерачит вашу вазу, если не заберете.

Марти идет в комнату, все у него внутри сжимается. В звуках испанской музыки слышится улюлюканье. Он торопливо проходит в стеклянные двери и сворачивает направо.

— Посмотрите на эту грушу, дамы и трутни, спелую и сочащуюся чувственностью рядом с красным яблоком... она ждет, когда исполнится ее высшее предназначение. — Битник вынимает грушу из вазы и впивается в нее так, что сок брызжет во все стороны.

— Извините, но я думаю, что с нас хватит, — говорит Марти.

Битник дерзко смотрит на него со стула, на бороде блестят кусочки грушевой мякоти. Марти ничего не знает про амфетамины, но буйное помешательство распознать может — зрочки у битника огромные и блестят, как новенькие центы.

— Это главный чурбан? — вопрошает он.

— Я вызову полицию, — говорит Марти.

Он чувствует, как другие гости входят с террасы и собираются у него за спиной поглазеть.

Битник недоверчиво трясет головой:

— Ты за это заплатил, приятель. Ты думал, придут актеришки, выпьют твоего шампанского, почитают стишки про езду автостопом и сон

в лесу, а потом мы тихонько уйдем. Ошибочка, амиго. Неверная логика, компадре. Мы теперь гости в этом светском музее и говорим не по сценарию... ваша теневая сторона и демоны, что преследовали вас всю вашу жалкую жизнь, брат. Мы здесь. Приятно познакомиться.

Хани теперь стоит рядом с Марти и уговаривает товарища: «Ну-ну, спокойнее», словно заартачившуюся лошадь.

— Мы оплатили вам такси, — раздается из толпы голос Рейчел. — Мы проводим вас к нему и дадим с собой остатки ужина.

От этих унижительных слов человек на стуле принимается раскачиваться и жестикулировать, словно уличный проповедник, предрекающий скорый Апокалипсис.

— О, вы меня убиваете. Сами жрите свои объедки, леди Макбет. Мы здесь не ради еды и вина... мы здесь, потому что Америка скоро будет сосать хер Дяде Русскому, и мы хотим показать вам вблизи, каков он, розовый коммунистический член...

И тут через толпу протискивается Клэй Томас. Позже Марти вспомнит, что выглядел он не рассерженнее, чем если бы его резко пробудили от дневного сна. Вид у него решительный, но не угрожающий. По пути Клэй снимает смокинг, расстегивает запонки и закатывает рукава, как будто собрался мыть посуду. Но, как бывший принстонский боксер в полусреднем весе, Клэй подвижен и пружинист. Марти собирается спросить его, не вызвать ли полицию, когда обнаруживает, что держит в руках смокинг

Содержание

От автора	7
-----------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Верхний Ист-Сайд. <i>Ноябрь 1957 г.</i>	13
Амстердам — Беркей. <i>Весна 1635 г.</i>	34
Бруклин. <i>Ноябрь 1957 г.</i>	42
Амстердам. <i>Зима 1636 г.</i>	60
Верхний Ист-Сайд. <i>Май 1958 г.</i>	66
Сидней. <i>Июль 2000 г.</i>	86

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Амстердам. <i>Весна 1637 г.</i>	123
Нью-Джерси. <i>Август 1958 г.</i>	139
Бруклин. <i>Август 1958 г.</i>	149
По пути в Сидней. <i>Август 2000 г.</i>	158
Манхэттен. <i>Сентябрь 1958 г.</i>	172
Амстердам. <i>Май 1637 г.</i>	195
Сидней. <i>Август 2000 г.</i>	204
Манхэттен. <i>Сентябрь 1958 г.</i>	214
Из Амстердама. <i>Весна 1637 г.</i>	228
Сидней. <i>Август 2000 г.</i>	242
Манхэттен. <i>Сентябрь 1958 г.</i>	251
Хемстеде. <i>Лето 1637 г.</i>	280

СОДЕРЖАНИЕ

Манхэттен. <i>Октябрь 1958 г.</i>	291
Сидней. <i>Август 2000 г.</i>	301
Хемстеде. <i>Лето 1637 г.</i>	311
Манхэттен. <i>Октябрь 1958 г.</i>	321
Сидней. <i>Август 2000 г.</i>	350
Хемстеде. <i>Зима 1649 г. / Лето 2000 г.</i>	378
Благодарности	401
Примечания. <i>Е. Доброхотова-Майкова</i>	403

Смит Д.

С 50 Последняя картина Сары де Вос : роман / Доминик Смит ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-15106-2

Впервые на русском — новейшая книга от автора международного бестселлера «Прекрасное разнообразие». «Последняя картина Сары де Вос» — это «удивительный роман о судьбе, выборе и последствиях этого выбора, уверенно играющий на территории „Девушки с жемчужной сережкой“ Трейси Шевалье и „Щегла“ Донны Тартт» (*Library Journal*). Действие начинается в Нью-Йорке конца 1950-х годов, на благотворительной манхэттенской вечеринке. Когда гости расходятся, преуспевающий юрист Марти де Гроот обнаруживает, что картина «На опушке леса», хранившаяся в его семье более трех веков, заменена подделкой. Как считается, это единственное сохранившееся полотно кисти Сары де Вос — живописца голландского Золотого века и первой женщины, принятой в амстердамскую Гильдию Святого Луки (профессиональное объединение художников). Полиция оказывается бессильна, однако нанятый де Гроотом частный детектив вскоре выходит на след Элли Шипли — молодой бруклинской реставраторши родом из Австралии; по мнению сыщика, Элли может иметь отношение к подделке, и Марти де Гроот решает познакомиться с девушкой поближе...

«Смит поражает читателя не только лихостью авантюрной интриги, но и виртуозным переплетением трех сюжетных линий, разворачивающихся в трех временных пластах и на трех разных континентах. Вынесенная в название романа картина буквально преобразует судьбы героев...» (*Washington Post*).

УДК 821.111

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

ДОМИНИК СМИТ
ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА
САРЫ ДЕ ВОС

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Татьяна Бородулина, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.02.2019. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 20,28.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого
сотрудничества размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABA-23480-01-R